

ЕГО "ВТОРАЯ МУЗА"

В личной жизни Некрасова произошли к этому времени большие перемены. Давнее чувство его к Авдотье Яковлевне Панаевой окрепло и углубилось. Правда, оно не сразу встретило отклик с ее стороны. Прошло несколько лет, в течение которых он вел "долгу борьбу с самим собою", а она, по позднему свидетельству Чернышевского, "не решалась бросить мужа". Наконец (считают, что это произошло в 1848-м, но более вероятно, что в 1847 году), подталкиваемая обстоятельствами своей неудачливой семейной жизни, она решилась на это.

Счастливым день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю
И праздную его в душе моей!

Отношения с Панаевой стали темой множества лирических стихов Некрасова - они-то и позволяют нам теперь проследить хотя бы в общих чертах историю этой любви, занявшей столь важное место в жизни поэта. Других данных почти нет в распоряжении биографа. Были, конечно, письма, но они не сохранились. "Плачь, горько плачь! Их не напишешь вновь..." - воскликнул он (стихотворение "Письма"), когда узнал, что она в порыве отчаяния однажды уничтожила их переписку.

Да ведь и стихи - источник не вполне надежный. Не всегда можно лирический дневник поэта перевести на язык фактов, то есть извлечь точные биографические данные из поэзии души человеческой. Отношения двух людей, став предметом поэзии, делаются общим достоянием и надолго переживают свое время, а конкретные факты отступают и забываются. Понимая это, Некрасов считал возможным печатать в журналах и включать в сборники лирические стихи, о которых мы говорим, - это значит, что он сам видел в них не просто стихотворные обращения к определенной женщине, а придавал им гораздо более широкий литературно-общественный смысл.

Так понимали дело и читатели, а вслед за ними исполнители и слушатели этих некрасовских стихов. Интересно, что многие из них были положены на музыку и превратились в популярные романсы и песни еще при жизни поэта. Например, стихотворению "Прости! Не помни дней паденья", обращенному к Панаевой, дали в разное время музыкальное истолкование около сорока русских композиторов, в том числе Римский-Корсаков и Чайковский. Композиторы писали свою музыку к этому стихотворению, вовсе не заботясь о том, кому оно посвящено и по какому конкретному поводу написано (первый романс написан Ц. Кюи в 1859 году) {Г. К. Иванов, Русская поэзия в отечественной музыке, выв. 1. М., 1966, стр. 245-246.}. А ведь это стихотворение, несомненно, носит узколичный характер, и сложилось оно в те дни, когда он, в чем-то провинившись, просит ее забыть плохое и помнить только хорошее. Это наглядный пример того, как личное, интимное, в лирической поэзии становится общечеловеческим, то есть интересным и нужным для всех. Перечитывая внимательно некрасовский лирический дневник, можно понять многое.

Авдотья Яковлевна была на год старше Некрасова. Она родилась в Петербурге, в семье актера Я. Г. Брянского. Детские годы ее прошли в тяжелой атмосфере семейного деспотизма, мелких преследований, недоброжелательства со стороны матери, тоже актрисы. Впоследствии в одном письме Панаева назвала свое детство "варварским", а юность - "унизительной". И она воспользовалась первым же случаем, чтобы вырваться из родительского дома: этот случай предстал перед нею в образе блестящего молодого помещика и столичного литератора Ивана Панаева, который предложил ей руку и сердце.

Сначала все шло хорошо, молодые съездили в Москву и в казанское имение Панаевых, побывали в Париже, где Авдотья Яковлевна блеснула своей красотой. Но вскоре обнаружилось, что он совсем не создан для семейной жизни и не может расстаться с холостяцкими привычками. Всегда модно одетый, тщательно причесанный, похожий на парижанина, он был своим человеком на маскарадах, в модных гостиных, любил возить

приятелей к петербургским "камелиям" и дамам полусвета, кутил и пил с гусарами. С годами домашний очаг все больше отступал на второй план. И не удивительно, что молодая жена вскоре начала чувствовать себя заброшенной, одинокой и, в сущности, почти свободной от семейных уз.

Разумеется, было не только это. Панаев, прославившийся своим светским легкомыслием, был в то же время человеком добрым, отзывчивым, а в литературе - талантливым и вполне серьезным. Современники говорят о его "детской душе", искренности, бескорыстии и полном отсутствии самомнения. К тому же он был одним из видных писателей натуральной школы. Лучшие очерки, повести и романы Панаева примыкают к гоголевскому направлению. Его литературные взгляды и вкусы складывались под прямым воздействием Белинского. И кроме того, ему принадлежало видное место в редакции "Современника", где он был правой рукой Некрасова (особенно в первые годы; позднее его роль стала менее значительной). Здесь-то и развернулся его талант писателя-журналиста: регулярные фельетоны и обзоры, очерки о петербургских нравах, литературная публицистика и полемика, острые пародии Нового поэта (псевдоним Панаева). - он писал очень много, и труды его способствовали успеху журнала, формированию его облика, его демократического направления.

После смерти Панаева (он умер в пятидесятилетнем возрасте, в 1862 году) такой сурово выскатательный литератор, как Чернышевский, дал высокую оценку его деятельности, указал на связь ее с традициями Белинского. Чернышевский знал, конечно, какая репутация сложилась у Панаева еще в молодые годы, и, может быть, поэтому счел нужным отметить: "... он смотрел на дело, которому посвятил свою жизнь, серьезнее, чем многие думают, и постоянно работал над собой, стараясь о собственном совершенствовании".

К молодым годам Панаева относится возникновение "литературного подворья", о котором уже говорилось раньше. В его доме с начала 40-х годов собирались все лучшие литераторы столицы. И причиной тому были, конечно, не только общительность и жизнелюбие хозяина, но также гостеприимство и обаяние хозяйки. В ее жизни, в ее развитии сыграли немалую роль знакомство и дружба с такими людьми, как Белинский, Герцен, Тургенев, Грановский. Несомненно, она впитала многие их идеи, усвоила передовые взгляды того времени. Из ставшей теперь знаменитой книги воспоминаний Авдотьи Яковлевны мы узнаем о ее резко отрицательном отношении к крепостничеству. Стоит перечитать хотя бы те страницы, где она с ужасом описывает картину раздела имущества, доставшегося по наследству родственникам ее мужа; она сама присутствовала при душераздирающих сценах, когда разлучались семьи, детей отрывали от родителей...

Авдотья Яковлевна рано начала размышлять о бесправном положении женщины в обществе, о проблемах брака. Вскоре она начала пробовать свои силы в качестве беллетриста и решилась приняться за большое сочинение - написала повесть "Семейство Тальниковых". Она воспроизвела в ней те стороны жизни, какие лучше всего знала по воспоминаниям собственного детства - уродливое воспитание детей в дворянской среде, картины косного быта, жестокое притеснение слабых...

В кругу "Современника" с большим сочувствием отнеслись к работе начинающей писательницы. Некрасов, вероятно принимавший некоторое участие в создании повести, написал к ней предисловие и решил поместить ее в "Иллюстрированном альманахе". Но секретный комитет немедленно запретил книгу; как позднее выяснилось, прежде всего из-за повести Панаевой. Бутурлин лично наложил резолюцию: "Не позволяю за безнравственность и подрыв родительской власти".

После этого Авдотья Яковлевна уже могла считаться полноправным участником "Современника". Она продолжала писать, регулярно печатала рассказы (под псевдонимом Н. Станицкий), вместе с Панаевым с первого же номера вела отдел мод, который делался с выдумкой, включал небольшие фельетоны, зарисовки. Вскоре она стала помогать Некрасову в работе по журналу - читала корректуры, принимала авторов, участвовала во всей жизни кружка, не говоря уже о том, что на ней лежали все хозяйственные заботы, приемы, постоянные редакционные обеды и чаепития.

* * *

Союз Некрасова и Панаевой, длившийся около шестнадцати лет, в лучшие его годы был освящен любовью, дружбой, взаимопониманием. Как говорит К. И. Чуковский, это был союз "труженический". В постоянном общении с Авдотьей Яковлевной Некрасов все больше убеждался, что в их судьбе много сходного, начиная с безрадостного детства.

... Не так же ль в юные года
И над тобою тяготели
Забота, скорбь и нищета?

Ты под своим родимым кровом
Врагов озлобленных нашла
И в отчуждении суровом
Печально детство провела.

Подобная тема не могла случайно возникнуть в стихах Некрасова, ведь то же самое он мог бы сказать и о своем детстве. С другой стороны, Авдотье Яковлевне не мог не импонировать молодой литератор и поэт, хоть и не очень видный собой, но резко выделявшийся в ее кругу не только своим дарованием, - он был во всем разночинец, прошедший суровую школу, труженик, человек, полный энергии, к тому же равнодушный к авторитетам и начиненный отрицанием. Важную роль в развитии их отношений сыграла близость духовных интересов, общее понимание смысла литературы. Об этом говорится в стихах, написанных спустя много лет после того, как они расстались:

Все, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас,
Мы на один алтарь сложили,
И этот пламень не угас!

Лучшее время их отношений отмечено полной гармонией чувства и благотворным влиянием Авдотьи Яковлевны; ее любовь, по мнению современника, составила "самые светлые страницы в мрачной жизни нашего поэта". К этой поре относятся стихи, в которых Некрасов назвал ее своей "второю музой" - кажется, не придумать более высокого титула, каким поэт мог бы увенчать свою подругу (стихотворение "Зачем насмешливо ревнуешь", начало 50-х годов). И все же их общий жизненный путь не назовешь гладким, а отношения идиллическими - наоборот, тот же лирический дневник свидетельствует: они знали горечь тяжелых размолвок, противоречий, расставаний, предельно мучительных для обоих. С годами эта мучительность возрастала.

Причин для этого было много, и со временем они все усложнялись. Одна из них - трудный характер Некрасова. Известно, что на него порой нападали тоска, злоба, ипохондрия, жажда одиночества. Часто это вызывалось ревностью, но еще чаще - его болезненным состоянием. Об этом говорят в один голос мемуаристы, включая Панаеву. Обстоятельства трудной жизни доводили его до того, что "... он по двое суток лежал у себя в кабинете в страшной хандре, твердя в нервном раздражении, что ему все опротивело в жизни, а главное, он сам себе противен". Один из знакомых Некрасова радовался, застав его "в кротком расположении духа". Письма поэта пестрят такими заявлениями: "хандра допекает", "состояние духа подлейшее". В стихах он признавался ей:

Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.

В иных случаях давала себя знать известная ложность положения Авдотьи Яковлевны: оставаясь формально женой Панаева, она стала гражданской (то есть невенчанной) женой Некрасова. К чести ее надо сказать, что она умно и мужественно преодолевала неловкость - по тогдашним понятиям - этой ситуации, пренебрегая предрассудками и мнением общества.

Более того, она собственным примером как бы пыталась разрешить один из больших вопросов того времени - о праве женщины на независимость и свободу чувства. Этот вопрос возникал тогда и в печати, и в литературе (особенно в 50-60-е годы), но едва ли не впервые он был остро поставлен в лирике Некрасова.

Вот стихи, на которые обычно не обращают внимания:

Когда горит в твоей крови
Огонь действительной любви,
Когда ты сознаешь глубоко
Свои разумные права,
Верь: не убьет тебя молва
Своею клеветой жестокой!
Постыдных, ненавистных уз
Отринь насильственное бремя
И заключи - пока есть время -
Свободный по сердцу союз!..

Кажется, здесь полностью запечатлена та самая ситуация, о которой мы только что говорили. Похоже, что именно так, такими словами он внушал ей свои взгляды на брак и семейные отношения, укрепляя ее веру в свое моральное право следовать влечению сердца.

Правда, стихи эти включены в текст романа "Три страны света", и "автором" их является Каютин, герой романа. Может быть, поэтому их не принято относить к "панаевскому циклу"? Но ведь стихи написаны в том самом 1848 году, когда тема "ненавистных уз" была особенно острой для влюбленного Некрасова. Да и роман свой они писали вместе, вдвоем (об этом будет рассказано дальше); следовательно, Авдотья Яковлевна не могла их не заметить - ведь они затрагивали тему столь же острую и для нее.

Можно даже предположить, - что стихи "Когда горит в твоей крови" соавторы не без умысла запрятали (с примечанием: "для любопытных") в одну из частей огромного романа, где они были не так заметны. По существу же стихи оказались в тексте третьей главы совсем не обязательными: серьезность их вовсе не гармонировала с почти фарсовой обстановкой, в которой Каютин декламирует стихи, спасаясь от нежностей взбалмошной помещицы, только что вышедшей замуж за еле живого старика. Напечатать же стихи отдельно было вряд ли возможно - они с чрезмерной прямоотой обнажали положение вещей, сложившееся в панаевском доме.

Однако спустя много лет, когда ситуация утратила былую остроту, Некрасов извлек эти стихи из романа и приготовил их для печати - для сборника 1856 года. Это лучше всего подтверждает, что Некрасов придавал им самостоятельное значение. Ведь далеко не все ранние стихи он собирался воскресить и переиздать в задуманном сборнике.

Теперь вспомним, кто такой Каютин. Это не случайное лицо в романе, а главный положительный персонаж, и его биография кое в чем совпадает с биографией самого Некрасова. И вот ему-то он счел нужным неожиданно приписать стихи на жизненно важную для себя тему. При этом нигде в романе нет ни слова о каких-либо литературных склонностях Каютина.

Интересно также отношение цензуры к этим стихам: они появились в "Современнике" (в составе романа) в искаженном виде, с заменой слова "насильственное" (на "бесплодно-тягостное") и пропуском слова "свободный". Вот как это выглядело:

И заключи - пока есть время -
. . . . . по сердцу союз!..

В стихах усмотрели отрицание законного, освященного церковью, брака да еще призыв к замене его свободным союзом. Таким образом, с точки зрения цензуры, стихи оказались не такими уж нелепыми и далеко не безобидными.

* * *

Во многих других стихах, посвященных Панаевой, можно проследить разные этапы их отношений, которым еще предстояли многие серьезные испытания. Ощутимы в них и все оттенки чувств поэта или, лучше сказать, лирического героя. Прав исследователь, который отметил: если эти стихи рассматривать в совокупности, то они "образуют как бы целую поэму, в которой нашли свое отражение различные моменты в тех длительных, подчас надрывающе мучительных отношениях, которые связали героя с его избранницей" {В. Евгеньев-Максимов, Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 2. М. -Л., 1950, стр. 272.}.

Слова-эпитеты "мятежный", "ревнивый", "тревожный" встречаются в них слишком часто: "Если мучимый страстью мятежной, Позабылся ревнивый твой друг..."; или: "Да, наша жизнь текла мятежно. Полна тревог, полна утрат..." Вот он сетует на ее холодность и плачет над ее "рассчитанно суровым, коротким и сухим письмом"; вот ликует, что она "единым словом" вернула его душе "и прежний мир, и прежнюю любовь"; вот убеждает ее продлить "остаток чувства", и это одно из лучших его стихотворений:

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, -
Нам рано предаваться ей!

В стихотворном письме к уехавшей возлюбленной он требует признания - тоскует ли она так же, как он; в этих стихах особенно привлекает их особая пушкинская интонация, пушкинская стилистика:

А ты?.. Ты так же ли печали предана?
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?

В другой раз, в "черный день", он пишет мрачную элегию по поводу смерти их первого ребенка: "Поражена потерей невозвратной, Душа моя уныла и слаба", и здесь же рисует скорбный образ потрясенной горем матери (возможно, к этому же событию относятся слова Некрасова в письме от 16 марта 1848 года: "... Я теперь в большом горе"). Наконец, в стихотворении "Давно - отвергнутый тобою" рассказывается, как после размолвки он "с убитою душою" бродит по берегам, заглядывая в манящую глубину речных волн. Это стихотворение понравилось Тургеневу; получив его от автора, он ответил: "Стихи твои... просто пушкински хороши - я их тотчас на память выучил".

Стихотворение это позднее взволновало Чернышевского. В письме к Некрасову (от 5 ноября 1856 года) он высоко отозвался о его лирике; назвав "Давно - отвергнутый тобою" среди лучших стихотворений Некрасова 40-х годов ("Когда из мрака заблужденья", "Я посетил твое кладбище" и др.), он прибавил: они "буквально заставляют меня рыдать".

Почему же эти "пьесы без тенденции" производили такое впечатление на Чернышевского?

Отвечая на этот вопрос, мы не можем согласиться с мнением только что упомянутого исследователя. Ему казалось, что Чернышевский столь близко принимал к сердцу некрасовские стихи "без тенденции" по той причине, что находился в это время в состоянии "крайнего расстройств, крайнего морального угнетения", вызванного опасением за жизнь тяжело заболевшей жены; в содержании стихов он будто бы находил много "аналогичного

своим переживаниям" {В. Евгеньев-Максимов, Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 2. М. - Л., 1950, стр. 278.}. Как только мы примем это соображение, так немедленно придем к странному выводу: если бы не болезнь Ольги Сократовны, то, может быть, Чернышевскому и не пришлось бы по душе некрасовские стихи. Суть дела, конечно, в другом. Восприятие поэзии Некрасова революционно-демократическими критиками, и прежде всего Чернышевским и Добролюбовым, было необычайно целостно. Некрасов был дорог им как социальный поэт, поэт мысли и действия, как "поэт сердца", лирик, нашедший новые слова для выражения лучших человеческих чувств. Чернышевский приветствовал эту поэзию "новых людей", которые несли с собой новую мораль и новый взгляд на любовь и счастье. Хвала Некрасова за его лирику, он писал ему: "Не думайте, что я увлекаюсь в этом суждении Вашею тенденцией), - тенденция может быть хороша, а талант слаб, я это знаю не хуже других... Лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденциею..."

Из слов Чернышевского ясно, что он не вообще предпочитает стихи "без тенденции", а именно некрасовские лирические стихи. В устах революционера это лучшая похвала поэту, это означает, что ему удалось даже в стихах, лишенных прямого политического содержания, выразить психологию "новых людей", к которым принадлежал Чернышевский. Вот отчего ему была так близка эта "поэзия сердца" - лирика новых чувств, она заставляла его "рыдать", ибо выражала его собственное мироощущение. Речь шла о новом отношении к женщине, об уважении ее нравственных прав, о свежести чувства, о признании равенства между любящими.

Разумеется, мы говорим здесь не только о "панаевских" стихах - ведь их лишь условно можно выделить из общего потока некрасовской лирики. О чем бы ни говорил поэт, лирический герой его интимных стихов - это труженик, демократ, который видит в любимой женщине друга, союзника; она разделяет его идеалы, на нее можно опереться в жизненной борьбе. Она помогает герою сохранить "святыню убеждений" и нравственную чистоту даже в самых трудных обстоятельствах.

... С тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу...

Реалистическое начало некрасовской лирики - стремление правдиво передать сложный процесс душевной жизни и конкретность переживания, оттолкнуться от традиционной эгоистической и ханжеской морали - определяет ее особенности - свободное владение прозаизированным стихом, его огромными изобразительными возможностями; напряженный драматизм лирической исповеди, свежесть и яркую образность живого народного языка.

В то же время лирика Некрасова прочно связана с классической традицией русской поэзии, она унаследовала пушкинскую ясность выражения мысли и эмоции. Это отмечали уже современники. Не случайно, конечно, Тургенев вспоминал Пушкина в своих суждениях о стихах Некрасова того времени ("пушкински хороши", "пушкинская фактура").

Некрасову суждено было открыть новую главу в истории русской лирической поэзии. а